

Чи Мэй не понимал, почему ему в голову пришло слово «расцветать». Лепесток красного лотоса, который он прятал на груди, хоть и казался хрупким, ежесекундно напоминал о своем присутствии.

Небесная кара не обрушилась так, как ожидалось, а застрявший в узле формации даос не мог сделать ни шагу вперед.

Чи Мэй и сам это знал: он изначально был древним божественным зверьем, и лишь благодаря Дитину истинного Будды ему посчастливилось обрести человеческий облик. В его памяти зияли провалы — он помнил лишь, что его миссия заключалась в том, чтобы вернуть мир Ляочжай на свое место, затаскивая туда разных людей и дожидаясь, пока это сможет сделать истинный человек.

В небе перекрещивались молнии, дождя не было, но землю заливало то мертвенно-бледным, то синеватым светом, всё ходило ходуном. Чи Мэй едва удерживал равновесие силой воли, как вдруг в следующее мгновение посреди свиста ветра и сверкания молний в небе разверзлась трещина. Она внезапно раскрылась, точно зловещий глаз гигантского зверя, мелькнул ослепительно-белый свет, и посреди этого раздался залиvistый смех — женщина в развевающихся красных одеждах стояла прямо там.

Чи Мэй помнил Станные истории из кабинета неудачника (Ляочжай чжи и): в новелле о Ли Чжуэр действительно упоминалось, что его усопшая старшая сестра на самом деле вышла замуж за Ван Чуцзяна в качестве наложницы, но сейчас эта женщина была с головы до ног пропитана демонической ци, и как ни посмотри, она совсем не походила на супругу владыки подземного царства.

— Вы меня звали? — Женщина лениво скосила глаза, глядя на Тао Шаньцзэ, застрявшего в узле формации. Даос смертельно испугался; не сумев сожрать Тао Шаньцзэ, он расвирипел от собственной беспомощности.

Восьмипалый монстр взметнулся вверх и бросился прямо на княгиню. Она лишь легко улыбнулась и оперлась одной рукой о землю — землетрясение не прекращалось, из ниоткуда возникла глубокая трещина, из которой хлынули бесчисленные свирепые призраки, и их зловещая ци утянула даоса прямо в бездну.

Шаг, который Чи Мэй уже собирался сделать, резко оборвался, и он замер, наблюдая за развитием событий.

Женщина с развевающимися длинными полами одежды, окутанная тяжелой черной аурой, повернула голову к Тао Шаньцзэ:

— Чего ты приперся сюда? Помочь тому бродяге?

Тао Шаньцзэ проследил за ее взглядом и действительно увидел Чи Мэй, стоявшего за резной колонной.

Тао Шаньцзэ не понимал, что она имеет в виду, но от исходившего от нее холода кровь стыла в жилах — по сравнению с ней Чи Мэй казался настоящей печкой.

— Хорошо, что ты вернулась, папа с мамой очень по тебе скучали.

Вспомнив, что раз она его старшая сестра, то приходится следовать сценарию мира Ляочжая, Тао Шаньцзэ просто зажмурился и начал нести бред, в очередной раз убеждая себя, что всё это ненастоящее, всё кругом фальшивка.

— Тао Шаньцзэ, ты так ничему и не научился, рано или поздно тебе придется за это заплатить.

Услышав это, Тао Шаньцзэ сообразил, что что-то не так: она должна была назвать его по имени Ли Чжуэр, но он понимал каждое ее слово, хотя вместе они не складывались ни в какой смысл. Видя, как небесный водоворот снова собирается раскрыться, Тао Шаньцзэ попытался схватить женщину, чтобы расспросить обо всем подробнее, но всё происходило молниеносно, и он успел лишь в последний момент ухватить ее за полу одежды.

Однако край ткани рассеялся, словно облачная дымка, стоило потянуть — и он оторвался. Вокруг воцарилась тишина и гладь, всё исчезло без следа.

Тао Шаньцзэ думал, что должен испытывать страх или даже невыносимую боль, но сейчас его сердце успокоилось, словно нежный цветочный бутон распустился у него в груди. Было очень легко, совсем не похоже на него самого.

Там, вдали, родители Ли все еще оплакивали утрату, а Тао Шаньцзэ опустил взгляд на свои руки — в них отчетливо материализовалась страница книги с заглавием Ли Чжуэр.

Тао Шаньцзэ вздрогнул, а затем испытал дикий восторг: строго говоря, страница не имела физической плотности и представляла собой лишь парящие в воздухе буквы. Он действительно нашел страницу! Значит ли это, что теперь они смогут выбраться отсюда?

Совершенно забыв о только что пережитом ужасе, он бросился к Чи Мэю и протянул ему страницу:

— Мы можем уходить!

— Что она тебе только что сказала? — Чи Мэй не взял страницу, но его пронзительный взгляд впился в него.

— Ничего особенного. Сказала, что я ничему не училюсь, — Тао Шаньцзэ на мгновение задумался, силясь понять смысл.

— Она — жена Ван Чуцзяна, и обычно без нужды не появляется в этом мире. Те немногие, кого я приводил сюда раньше, никогда с ней не сталкивались. Почему же ты смог? — лицо Чи Мэя

было смертельно серьезным.

В груди Тао Шаньцзэ кольнуло — накатила инстинктивная волна опасности.

Но вдруг Чи Мэй, словно огромный кот, бросился на него:

— Хм, говорят, у блудного сына много братьев, так что ему наверняка одиноко. Уж не запал ли ты ей в душу?

Чи Мэй был одет в женское платье, и Тао Шаньцзэ тут же вспомнил всё, что происходило в иллюзии, отчего его передернуло. Он не впервые замечал причудливую логику в голове Чи Мэя, но сейчас ему казалось, что у того на макушке и впрямь пробились пушистые ушки и он вот-вот высунет язык, чтобы слизать с него пот.

— Держись от меня подальше, — Тао Шаньцзэ отступил на шаг, но уловил исходивший от него запах крови.

Истинный облик Байцзэ.

Чи Мэй сейчас вел себя странно: от него разило так, будто кто-то разорвал в клочья все лепестки красного лотоса, смешал их со свежей кровью и измазал этим тело. Его мышцы напряглись, хотя под широкими рукавами это было почти незаметно.

Если бы Тао Шаньцзэ был чуточку внимательнее, он бы ни за что не позволил Чи Мэю вот так наброситься на себя. Но многодневное совместное пребывание притупило его бдительность, а желание поскорее покинуть этот мир стало слишком сильным.

— Я же нашел страницу! Теперь ты можешь вывести меня отсюда? — задыхаясь, спросил он, оттаскивая Чи Мэя от себя.

— А если я скажу нет? — В зрачках Чи Мэй отразилась фигура Тао Шаньцзэ. На мгновение он вернул себе привычное холодное выражение, но во взгляде промелькнула толика демонического очарования, до боли напоминавшая безумного монаха.

— Если честно, я побывал в этом мире Ли Чжуэр уже много раз, но еще не встречал никого настолько хлопотного, как ты. В Линчжоу городе по ошибке угодил в иллюзию, а в итоге получил лишь цветок красного лотоса... Теперь у меня есть все основания подозревать, что ты не человек, — он облизнул верхние десны и с усмешкой бросил: — А ну сними одежду, дай-ка я тебя проверю.

Тао Шаньцзэ бросил взгляд на продолжавшую рыдать и погруженную в оцепенение чету Ли Хуа, оттолкнул его с большим усилием и тихо выругался:

— Ты совсем с дуба рухнул?

Но до него быстро дошло, что упомянутое тем раздевание лишено какого-либо подтекста — тот говорил абсолютно серьезно.

В следующую секунду Чи Мэй резко схватил его за руку, и мизинец царапнул кожу Тао Шаньцзэ:

— Кто ты такой, неважно. Важно то, что, хотя ты смертный, тебя неизменно охраняет какой-то странный поток энергии. Если бы ты только что не стоял в центре формации так безмятежно, я бы этого не заметил... Но теперь я наконец прозрел.

Зрачки Чи Мэя сузились, налившись жадностью и опасностью. Проявились двойные зрачки, клыки начали удлиняться, а на кончике мизинца, зацепившего Тао Шаньцзэ, выросли черные когти, вонзившиеся прямо в кость. Брызнула кровь.

Вкус крови явно возбудил его: Чи Мэй окончательно утратил человеческий облик, превратившись в дикого зверя. Хотя очертания расплывались, это была фигура льва с единственным рогом на голове.

Направление ветра резко переменялось, небосвод еще больше потемнел. Облизнув уголок рта, он придавил шею Тао Шаньцзэ, прижался зубами, а кончик языка уперся в его горло, опалая кожу горячим дыханием:

— Твой аромат зелени... так и манит попробовать.

— Чи Мэй! — завопил Тао Шаньцзэ, задыхаясь. Он был всего лишь смертным из плоти и крови, случайно угодившим в этот мир, и надо же было связаться с таким негодяем! Он ослеп, раз счел его хорошим человеком; ему следовало еще раньше догадаться по самому этому имени, что тот — нечисть болотная.

Но сейчас на руках у зверя выросла целая унция шерсти, а по телу расползлась черная мгла. Тао Шаньцзэ оказался оплетен этой чернотой и лишен возможности пошевелить конечностями, словно сам подставил горло под чужие зубы. Он отчаянно пытался вырваться из-под контроля, но в ответ на глухой рык тело зверя увеличилось в размерах, явив перед ним демона из глубин ада.

Демоническая ци, принесенная женщиной, еще не рассеялась, а Чи Мэй сделался совершенно чужим, испуская клубы черного дыма.

Бежать Тао Шаньцзэ было уже поздно. Чи Мэй впился зубами в его шею, фонтаном хлынула кровь, обнажив нежную плоть. Лицо зверя было перемазано кровью, когти начали вычерчивать извивающиеся борозды в его коже, а следом шершавый, усеянный шипами язык принялся влажно облизывать плечи и шею, вызывая у парня крупную дрожь.

— Ты ведь не думал всерьез, что я стану продлевать тебе жизнь? Вы все — всего лишь мои инструменты, и найду я страницу или нет, я вас всех сожру, — разверзнув пасть, безумно

прорычал Чи Мэй.

Тао Шаньцзэ пытался оттолкнуть его, но клыки глубоко вонзились в уязвимое горло, боль не поддавалась описанию. Конечности онемели и ослабли, в помрачневшем сознании один за другим проносились разные образы Чи Мэй: обольстительный, нежный, суровый — все они представляли перед ним.

По идее, он должен был истово желать усмирить дикого зверя, но сейчас в его мыслях билось лишь одно: спасение.

Голоден.

Судя по потерянному объему крови, Тао Шаньцзэ уже должен был потерять сознание от тяжелых ранений, однако сейчас он словно не чувствовал боли и все еще мог контролировать свою волю, лихорадочно пытаясь отыскать способ вырваться из его пасти.

Чи Мэй обратился гигантским зверем, от которого веяло ароматом трав и зелени, будто от него исходил шлейф парфюма с лотосом. Поднялся бурный ветер, небо над головой затянуло глухой темнотой, и в голове у Тао Шаньцзэ внезапно возникли письмена — они плыли перед глазами, точно всплывающие комментарии на экране.

Не имея никакого другого выхода, Тао Шаньцзэ попытался прочесть эти нагромождения символов.

Странно, но он словно знал их: каждое слово слетало с губ само собой, хотя он не понимал их значения. Это были выжженные в самой кости следы, неотступные, раскаленные добела.

Пока его сознание не угасло окончательно, он продолжал читать заклинание. В этот момент кисть, висевшая у него на шее, с резким свистом взмыла в воздух, прорвав тонкую ткань старинного платья и обнажив его обнаженную грудь. Эта лунно-белая кисть чертила в воздухе те же самые руны, что он произносил вслух, и в следующее мгновение знаки обрели плоть, вспыхнув ослепительно-золотым светом, и с размаху ударили в обезумевшего зверя.

— Ах! — взревел от боли Чи Мэй, разжав челюсти.

Тао Шаньцзэ оттолкнул его и бросился бежать. Перед тем самым столом возник вихреобразный провал; повинувшись инстинкту, он, не глядя, зажал кровоточащую шею рукой и прыгнул внутрь.

Но Чи Мэй оказался быстрее. Для хищника упустить добычу — величайший позор: он взмахнул лапой и ухватил Тао Шаньцзэ за край одежды, попутно распаров его обнаженную грудь. Преодолевая боль, Тао Шаньцзэ провалился в водоворот вместе с ним.

На небе открываются врата призраков, на земле рождается людской мир.

Небо и земля симметричны — Тао Шаньцзэ давно додумался до способа сбежать, но никак не ожидал, что Чи Мэй учудит такое. Застигнутый врасплох, он вновь оказался заключен в объятия гигантского, пышущего жаром и пламенем зверя, который скрутил его по рукам и ногам.

Он отчаянно лягался и брыкался, пытаясь избавиться от этого непонятного монстра, но тот оставался непреклонным, пока они оба, сплетенные в единый комок, не сгнули в бесконечной бездне.

— А-а!

Тао Шаньцзэ резко сел. Под ним была твердая поверхность асфальта, рядом то тут, то там проходили люди, возвращавшиеся после встречи Нового года. Мышцы еще помнили боль от звериных клыков, но на теле не было ни единой царапины.

— Я уже вернулся? Или это был всего лишь сон?

— Мяс... — подал голос сидевший рядом рэгдолл. Тао Шаньцзэ потрогал грудь — там по-прежнему висела та самая кисть, что спасла его в последний момент. Он понял, что все произошедшее было правдой.

Если подумать, когда он воочию увидел, как Чи Мэй превратился в дикого зверя и напал на него, став последним препятствием на пути к побегу из Ляочжая, он уже тогда усомнился во всех его словах.

Хотя он и не знал, как тот проник туда, кисть сыграла в этом ключевую роль. При свете луны он внимательно осмотрел ее — та не изменилась ни на йоту. Если бы не увиденное собственными глазами, он бы ни за что не поверил, что в последний миг она способна высвободить столь мощную силу, причем находившиеся внутри рукояти руны словно специально создавались для умирения Чи Мэя.

Он бережно пристроил ее как можно ближе к сердцу: если Чи Мэй явится и в две тыщи двадцатый год, эта вещь послужит ему защитным оружием.

Но лучше бы этой ходячей напасти неопределенной природы и вовсе больше не попадаться ему на глаза. Тао Шаньцзэ тяжело вздохнул: в грудной клетке ему всё еще чудилась боль от когтей, пробивших плоть, и он невольно подумал — когда же материалистическое мировоззрение сотрет эти воспоминания из его памяти?

Подхватив переноску с рэгдоллом, он с тяжелыми мыслями побрел домой. Наверное, завтра ему стоило бы заглянуть к врачу и проверить нервишки: в речах Чи Мэя правда переплеталась с ложью, и если его мнимые недуги пойдут на спад, это станет истинным подарком небес.

Когда перед входной дверью он набирал код, котенок в капсуле забился в неистовой панике. Тао Шаньцзэ похлопал по пластику:

— Тихо, папа скоро тебя покормит.

Рэгдолл вел себя странно с самого Таймс-сквер, и Тао Шаньцзэ решил, что осторожность не помешает, однако окружавшая обстановка — кафельная плитка под ногами, потолок над головой и сновавшие туда-сюда соседи — наглядно доказывала: они в реальности.

Котенок успокоился, но в переноске его все еще была крупная дрожь.

Чего уж говорить о самом Тао Шаньцзэ? Он до сих пор с трудом справлялся с эмоциями, опасаясь, что стоит распахнуть дверь, как он вновь окажется заперт там.

Поэтому он действовал осторожно, боком протиснувшись внутрь и зажав цифровые клавиши:

— Ну всё, сейчас папа нальет тебе козьего молока.

Дверь отворилась. В квартире должна была царить крошечная тьма, но сейчас в ней горел ослепительно яркий свет.

Движения Тао Шаньцзэ замерли.

— Мяу!

Его домашний рэгдолл взмыл в воздух, с ходу взлетев на шкаф — и всё потому, что на их трехместном диване в этот момент восседал «большой кот», похожий то ли на льва, то ли на оленя. Размером он был добрых футов под пятьсот, белоснежная шерсть не имела ни единой соринки, пара мрачных огромных глаз немигающе уставилась на него, а на макушке перед пушистыми ушками красовалась парочка оленьих рогов.

Опоясанные толстыми лапами туши вальяжно раскачивались на диване, а пушистый хвостик лениво извивался туда-сюда. Заметив его возвращение, зверь даже сыто икнул.

Прижавшись спиной к стене, Тао Шаньцзэ вновь мысленно пережил всё случившееся в мире Ляочжая.

Этот сюрреалистический зверь, начисто отрицавший любые законы материализма, плоть от плоти материализовался в его собственном мире! Прямо в его гостиной!

Правда, эта особь выглядела иначе — никаких следов черной дымки, просто гигантская пушистая копия рогатого кота.

Боль в теле вспыхнула по условному рефлексу, его затрясло. Он отлично помнил пронзительную силу лап Чи Мэя — та запроса нанизала бы его на вертел, как шашлык. Если эта тварь тоже окажется свирепым демоном, поможет ли ему звонок в полицию? Поверят ли ему вообще стражи порядка — тот еще вопрос.

— Ты кто? — Тао Шаньцзэ прижался к обувной тумбе, заведя руку за спину и нашарив там ложку для обуви.

Большой кот прищурился, сошел с дивана и невероятно грациозной походкой топ-модели неторопливо принялся вылизывать лапу:

— Я. Покорми меня.

Стоило звукам слететь с его уст, как глаза Тао Шаньцзэ полезли на лоб:

— Ты... ты Чи Мэй?

— Он самый, ау-у.

Тао Шаньцзэ: «...»

Ты сначала отпусти меня.

Сжав покрепче обувную ложку, Тао Шаньцзэ лихорадочно соображал, как бы пробраться на кухню за ножом для самообороны. Выходит, Чи Мэй лгал от начала и до конца: никакой он не человек, а чистокровный демон!

Неудивительно, что он столь упрямо уходил от ответов на прямые вопросы — ведь он попросту не мог их озвучить. Стоило бы ему проговориться, и Тао Шаньцзэ насторожился бы, перестав полагаться на него так бездумно, как там, в ином мире.

Но в дураках он все равно остался.

Рана на груди словно бы заныла по новой.

— Когда мы выбирались наружу, я тебя случайно цапнул, извини. Сам виноват, больно вкусно от тебя пахло. — Вылизав лапу, Чи Мэй зашагал по полу, и каждый его шаг сопровождался тяжелым глухим грохотом.

— И это ты называешь «случайно»? Я чуть от потери крови не загнулся! — Тао Шаньцзэ уже сытый по горло его выходками с вычурной миной, рявкнул: — Проваливай! Нечего тебе делать в моем доме!

Чи Мэй остался глух к угрозам. Он лениво окинул его взглядом, ничем не отличавшимся от взгляда на неодушевленный предмет мебели, после чего ответил Тао Шаньцзэ странным кошачьим урчанием.

От его движений раздался неприятный скрежещущий звук — рога Чи Мэя оставили глубокие бороздки прямо на потолке.

В сердце Тао Шаньцзэ кольнуло. В этом обличье он разительно отличался от того создания из Ляочжай: пусть оба оставались демонами, сейчас эта пушистая туша казалась донельзя забавной, и испытывать к ней подлинную ненависть не получалось.

Не успел он раскрыть рот для новой тирады, как в дверь постучали:

— Сяо Тао, это соседка, тетушка Чжао.

Тао Шаньцзэ оставалось лишь глубоко вздохнуть. По привычке бросив на гостя предупреждающий взгляд, он приоткрыл дверь на цепочку:

— Тетушка Чжао, извините, но я живу один.

— Сяо Тао, мы уже ложимся, давайте потише, — не успел он и пикнуть, как из глубин квартиры донесся нежный, сладкий женский голосок. Оглянувшись, он увидел девушку в шелковой комбинации на бретельках, сидевшую на диване и подкрашивавшую губы.

В сознании Тао Шаньцзэ пронеслось стадо диких зверей. Сегодняшним вечером на его долю выпало столько потрясений, что удар молнии показался бы куда более милосердным.

— Сяо Тао, как же тебе повезло, какая у тебя чудесная жена!

Натянута улыбнувшись, Тао Шаньцзэ кивнул. Едва захлопнув дверь, он взревел в голос:

— Чи Мэй, чего тебе от меня надо?!

— Ничего особенного, просто поесть хочу. — Чары рассеялись, и Чи Мэй снова уменьшился до размеров рэгдолла. Резво подпрыгнув на Тао Шаньцзэ, он заморгал огромными небесно-голубыми глазищами.

Такая неотличимая от обычного кота ласка вмиг лишила Тао Шаньцзэ дар речи. Чи Мэй продолжил:

— Будешь хорошо ко мне относиться — в следующий раз, когда попадем в Ляочжай, я тебе помогу.

— Как поможешь? Сожрешь меня?

— На этот раз точно нет. Мы ведь теперь старые знакомые, с чего бы мне тебя есть? Впрочем, мне любопытно: кто же в конце концов выручил тебя? — он затянул равномерное кошачье мурлыканье.

В голове Тао Шаньцзэ закружились мысли. Разумеется, дело было в той лунно-белой кисти, что он подобрал после прибытия в мир Ляочжая — та начертила руны прямо в воздухе и вонзилась в тело Чи Мэя, приведя его в чувство и позволив им обоим благополучно покинуть тот мир.

Однако было очевидно, что Чи Мэй об этом не ведает, а сам Тао Шаньцзэ делиться секретом не собирался — это была его страховка для выживания.

— Понятия не имею. — Тао Шаньцзэ опустил Чи Мэя на пол и принялся насыпать ему кошачий корм.

— Ты что, серьезно собрался кормить меня сухими крошками? Я же не кот, я — Байцзэ, древнее божественное зверье! Божественное, усек? И ты, жалкий смертный, смеешь меня игнорировать?! — взревел Чи Мэй, мгновенно раздувшись в размерах. От него повеяло холодом, и мощные лапы с размаху сбили присевшего на корточки Тао Шаньцзэ с ног.

Два мрачных огромных глаза вперились в него в упор, и зверь по слогам чеканил каждое слово:

— Я хочу нормальной еды.

— Ты... сначала отпусти меня... — Пятисоткилограммовое божество придавило его так, что не удавалось вздохнуть, во рту стоял стойкий привкус шерсти. Температура тела резко подскочила, и Тао Шаньцзэ выдавил из себя с обреченной улыбкой: — Приготовлю я тебе...

Божественный зверь остался доволен: он снова усох до габаритов домашней кошки и принялся любовно тереться парочкой рожек о голень Тао Шаньцзэ.

Тао Шаньцзэ: «...» Ему казалось, что над ним самым наглым образом измывается мужчина.

Злиться дальше у него уже не оставалось сил, к тому же он и сам успел проголодаться. Направившись на кухню, он распахнул холодильник — и лишь тогда понял, почему зверь только что так сыто икал: все овощи были выметены под чистую, заготовленный им ящик колы опустел до последней батырской бутылки, а от запасов мясного флосса для выпечки остались одни шуршащие пакеты.

— Чи Мэй! — завопил Тао Шаньцзэ.

— Чего тебе? — Чи Мэй вальяжно восседал на обеденном столе, раскачивая пушистым хвостом. Его глаза-бусины неотрывно следили за хозяином, после чего раздалось невинное «мяу».

Тао Шаньцзэ: «...» Будь на его месте Туаньцзы, он бы умилился до глубины души. Но сейчас перед ним сидело непонятно что, которое самозабвенно вылизывалось и высовывало язык, ведя себя так непринужденно, будто тот кровожадный монстр, что терзал его в мире Ляочжая, существовал в какой-то параллельной реальности.

<http://bllate.org/book/22407/2352259>